

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

В конце своего земного пути черный маг и эзотерик начала XX века Алистер Кроули создал необычную колоду Таро. За сто с небольшим лет карты сохранились в идеальном состоянии. Для них нет ничего невозможного. И того, кто станет на пути их владельца, ожидает мучительная смерть...

Ольга ТАРАСЕВИЧ

Карты великого мага

Артефакт & Детектив

Ольга Тарасевич

Карты великого мага

«ЭКСМО»

2014

Тарасевич О. И.

Карты великого мага / О. И. Тарасевич — «Эксмо»,
2014 — (Артефакт & Детектив)

Над колодой карт Таро черный маг Алистер Кроули работал долгих пять лет. И вот наконец-то Таро Тота готовы – после смерти мага карты были завещаны его сыну. Но по воле судьбы в руки ребенка колода не попала. С этого момента начинается долгий и кровавый путь проклятых Таро Алистера Кроули. Эти карты обладают огромной силой и используются в магии для изменения реальности... Коллегу судмедэксперта Наталии Писаренко убили. Наталия выясняет: незадолго до своей смерти Борода увлекся эзотерикой и даже посещал магическую школу «Атлантида». Чтобы вычислить преступника, Наталия под видом ученицы приходит в школу колдовских искусств и испытывает разочарование. Не похоже, чтобы среди скучающих домохозяек и закомплексованных подростков находился тот, кто способен на убийство. Однако вскоре она выясняет: ее коллега обладал мощным магическим артефактом – Таро Тота, по легенде принадлежащим черному магу Алистеру Кроули. Эти карты исполняют любое желание своего владельца. И сейчас они находятся в преступных руках...

© Тарасевич О. И., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ольга Тарасевич

Карты великого мага

*Все события и персонажи вымышлены автором.
Любые совпадения случайны и непреднамеренны.*

Пролог

*За полгода до описываемых событий
Сначала была яркая вспышка света.*

*Потом до Него донеслось множество резких, невыносимых звуков. Ковш экскаватора
вгрызался в ссохшуюся землю, задорно матерились рабочие, и из потрескивающей магнитолы
лились помой какой-то невыносимой, дулиераздирающей мелодии.*

Голоса, солнце, музыка...

Он погружается в воспоминания о жизни.

*Может, это немного глупо звучит, но Он сейчас очень ярко видит: жить – это хорошо.
Это просто очень-очень здорово, красиво и интересно.*

Он в этом совершенно не сомневается.

*Над пустырем раскинулось невероятно голубое небо. Оно такого сочного, неопишущего
оттенка, что в горле от восхищения застревает комок.*

Неподалеку лес, и запах смолистых сосен манит пройти по тенистым тропинкам.

*А еще Он, кажется, начинает припоминать: здесь рядом находится озеро с про-
зрачно-хрустальной водой, в которой легко можно разглядеть темные спинки шустрых,
шмыгающих рыбок.*

*Если бы у Него только была возможность почувствовать всей кожей летний жар, а
потом броситься в прохладную воду!*

*Если бы Он мог пройти по зеленой траве... Да что там – просто глоток воды, один-
единственный; Он помнит это удовольствие; напиться бы ключевой водички...*

Но ничего из всех этих затей не получится. Ведь Он уже давно умер.

Смерть Его оказалась долгой и мучительной.

*Парни, прицепившиеся к Нему в ресторане, сначала ловко затолкали Его в машину,
потом привезли сюда, на окраину города. Связав руки и ноги, они швырнули Его на землю и
долго впечатывали рифленые подошвы ботинок в Его живот. Потом по лицу потек бензин.
Если бы не вонючий кляп во рту, Он стал бы умолять не делать этого – но у Него была воз-
можность только жалобно мычать. Изнемогающий от страха, Он скорее предугадал, чем
действительно услышал щелчок зажигалки, – и пламя закипело на Его теле, наполняя все
вокруг тошнотворным запахом паленого мяса.*

Его кровь пузырилась и запекалась бесконечно долго. Его кожа лопалась веки вечные.

*Он весь стал головешкой, в Нем не осталось ничего, кроме дичайшей боли, – но все-таки
Он еще был, еще жил.*

Истязавшие Его подонки вырыли яму.

*Сначала Он не чувствовал, как на Его обгоревшее тело сыплется песок. Просто видел:
песчаные струи быстро наполняют могилу. Потом хлестнул новый резкий приступ боли –
когда вместо воздуха пришлось вдыхать песок, и ничего не было, кроме этого сыроватого,
перемешанного с глиной песка.*

А потом боль исчезла, и Он тоже исчез.

Ничего не произошло.

Никаких бабушек-дедушек и прочих родственников, и даже Его любимая овчарка Дина проигнорировала Его гибель (когда она умерла, Он почему-то думал, что после Его смерти Дина обязательно найдет Его, ведь она была самой верной собакой в мире и никогда не бросала своего хозяина). В общем, собаки не было. Он не видел потока светлого тепла или тоннеля, наполненного свечением (такие штуки вроде любят описывать те, кто побывал в состоянии клинической смерти). Бог тоже не почтил Его своим присутствием (а вот это Его как раз таки не удивило, всегда подозревал, что религия – сплошное надувательство).

Просто Он выключился, жизнь выключилась, все исчезло.

До тех пор пока не вспыхнул свет и ковш экскаватора не вырыл Его кости из ссохшегося кома глины.

Сначала Он вспоминал, кто Он и почему оказался в этой убогой тайной могиле. Потом очень сокрушался, что умер и Ему больше недоступно ничего из того, что было легко возможно при жизни. А Он, какая досада, не обращал внимания на те сокровища, которыми владел!

Затем Он понял, что хочет увидеть близких и родных людей.

Естественно, Ему не терпелось отомстить за свою смерть. И Он четко знал, что обязательно это сделает...

Глава 1

1897 год, Лондон

Джером¹ так красив! У него белая, молочная кожа, и светлые шелковистые волосы, и длинные темные ресницы, рисующие на нежной щеке тонкую тень.

Алистер осторожно стаскивает шелковое одеяло, прикрывающее мускулистое тело безмятежно спящего Джерома, и улыбается.

Такой красивый, такой соблазнительный, самый лучший – и этот мужчина принадлежит только ему. Невероятно!

...Алистер обратил на него внимание сразу же, едва только приехал в Тринити-колледж.

Студенты, с которыми предстояло учиться, разочаровали Кроули. Они мало читали, много хвастались, плохо играли в шахматы. Вид их самоуверенных прыщавых лиц настолько отбивал аппетит, что Алистер не смог обедать в общем столовом зале и просил слугу принести кушанья в его комнату².

Когда отчаяние, вызванное одиночеством и непониманием, почти убило у Алистера надежду встретить родственную душу – он вдруг увидел Джерома. Поллит был на четыре года старше, превосходно играл в гольф, виртуозно выступал в женских ролях в студенческом театре. Его взгляд, улыбка, шутливые ремарки – все выдавало в нем человека, отличающегося от серой студенческой массы, сонной и унылой.

«Какая яркая личность! – пронеслось у Алистера в голове, когда он после спектакля зашел в гримерку Джерома, чтобы выразить искреннее восхищение его игрой. – Безумно притягательное лицо, порочное и невинное одновременно. Почему мне так нравится смотреть на его губы?..»

Впрочем, конечно, дело было не только в привлекательной внешности.

Легко разговаривать, не менее легко – молчать. Его манеры безукоризненны, начитанность – невероятна; и каждая новая черта, каждая новая грань характера – прекрасны и любопытны. Присутствие Джерома рядом казалось таким же естественным, как теплое солнце или свежий ветер. «Меня в нем совершенно ничего не раздражает», – внезапно понял Алистер, с неожиданной острой тоской представляя пропасть расставания – рождественские каникулы.

Разлука и в самом деле оказалась для него сущей пыткой. Подробные, обстоятельные письма Джерома вызвали слабый всплеск радости – но очень быстро на смену ему опять приходили боль и страдания.

Да, они стали очень хорошими друзьями, имеющими огромную потребность общаться друг с другом. Но все-таки нежный, заманчивый шепот Джерома прозвучал как гром среди ясного неба:

– Останься сегодня у меня... Я хочу сделать тебе очень хорошо...

С замирающим от восторга сердцем Алистер повернулся навстречу мятному дыханию и сияющим голубым глазам и теплым губам Джерома, еще неизведанно-манящим...

Сказать, что Алистер растерялся, – значило не сказать ничего.

За гомосексуализм и содомию не только в два счета отчислят из колледжа, но и посадят в тюрьму.

Совершенно непонятно, как это делать с мужчинами. С девушками проще, уже есть опыт. Но Джером, мужское тело – все это в первый раз.

¹ Герберт Чарлз Джером Поллит, один из первых любовников Кроули.

² Кроули от отца досталось значительное состояние. В Тринити-колледже к услугам состоятельных студентов были слуги, которые доставляли белье в прачечную, занимались уборкой и т. д.

И – грех, запретный смертный грех. Что стало бы с мамой, если бы она узнала, как ее единственный сын наслаждается любовью мужчины? С мамой, ненавистной, деспотичной, называющей сына Зверем³... Мать гневно покинула дом своей приятельницы, едва увидела там роман Эмиля Золя, и утверждала, что кэбы надо сжечь в геенне огненной – так как они используются мужчинами для встреч с падшими женщинами⁴. О, если бы мама узнала правду о своем сыне – она сошла бы с ума!..

Но все опасения оказались напрасными.

Никто не прознал о запретной связи.

И заниматься с Джеромом любовью было так же прекрасно, просто и естественно, как разговаривать с ним, смотреть на его лицо.

Алистер часто думал, что союз с Джеромом настолько гармоничен, что... он даже... не чувствует его существования, просто живет своей жизнью, полной, счастливой. Но это счастье и полнота бытия, конечно, обусловлены только присутствием рядом Джерома. Должно быть, именно такие союзы, объединяющие на веки вечные дух и плоть, восхваляли Сократ и Платон; ведь только отношения в рамках одного пола обусловлены искренним влечением душ, а не прозаичным инстинктом размножения...

Впрочем, подобные рассуждения Алистер предпочитал держать при себе. Он понимал, что ему, которого родители учили читать по Библии, свойственна излишняя высокопарность речи. Джером же всегда иронизировал над высоким стилем.

Им приходилось быть очень осторожными.

Стараться, чтобы пьянящая нежность не переливалась за пределы спальни, чтобы ни следа чистой, благородной, глубокой привязанности не отражалось в случайных взглядах и прикосновениях...

...Наконец, ресницы Джерома вздрагивают. На губах появляется улыбка, любовник открывает глаза.

– Мне нравится, что ты улыбаешься, еще не проснувшись, – прошептал Алистер, целуя тонкую, нежную ключицу.

Джером шутливо нахмурился:

– Ты стащил с меня одеяло! А я замерз, между прочим!

Алистер вздохнул.

Да, он виноват. Но ему так хотелось посмотреть на красивые плечи Джерома, широкую грудь, узкие бедра.

Джером невероятно красиво сложен! Им можно любоваться до бесконечности!

Родители никогда не позволяли Алистеру рассматривать свое тело; они говорили, что любые мысли об этом греховны. А мать как-то сказала, что у женщин вообще не бывает ног. Потом вышел форменный скандал. За обедом, едва подали индейку, вдруг раздалось неприкрытое детское:

– О, мама, наши гувернантки – не женщины! У Сюзанн и Эмми ведь есть ноги! Я посмотрел!

В тот день мама сильно отругала его, пообещала, что Бог накажет маленького Алика⁵.

Страшнейшая кара не заставила себя ждать. На следующий день он заигрался в саду, вбежал в дом – а тот оказался совершенно пустым. «Все ясно. На землю во второй раз вернулся Христос, всех забрал, а меня в наказание оставил, я ведь смотрел на ноги гувернанток», – промелькнула тревожная мысль, и по щекам полились жгучие слезы.

³ Как пишет Алистер Кроули в автобиографии, именно мать в порыве ссоры назвала его Зверем Апокалипсиса, тем самым определив его путь как служение именно темным силам.

⁴ Родители Кроули были членами секты «Плимутские братья» и дали своему сыну строгое религиозное воспитание.

⁵ Имя Алистер Эдвард Александр Кроули сознательно выбрал себе в студенчестве.

Какая каша была тогда у него в голове!

Как много запрещалось родителями – того, что вовсе не дурно, а наоборот – доставляет только радость.

– Сейчас, сейчас я тебя согрею, – забормотал Алистер, покрывая тело Джерома страстными поцелуями.

Любовник стал горячо отвечать ему, но Кроули вдруг отстранился.

– Подожди, я хочу прежде кое-что сказать тебе, – он осторожно убрал с лица Джерома мягкие светлые пряди, – вчера я познакомился с одним человеком.

Джером перебил его:

– Он красив?

– Он? Не думал об этом. Наверное, хорош собой. Или не очень? Хотя это ведь совершенно неважно!

От осознания того, что любовник ревнует его, Алистер мягко улыбнулся. У Джерома нет повода для ревности! Его душа наполнена им до краев, как запечатанная бутылка вина. Хотя бы капельке интереса к другим уже просто некуда влиться.

– Понимаешь, этот мужчина... Он говорил со мной о магии, – продолжил Кроули, найдя среди шелковых простыней ладонь Джерома, – он говорил о колдовстве. По его словам выходит, что всему этому можно легко научиться. Он согласился учить меня. Конечно, я сразу же подумал о тебе. Нам надо учиться магии вместе!

– Магии? – Джером сладко зевнул, потянулся на кровати. – А что хорошего в этой магии? Да вздор все это! Занятие для одиноких некрасивых женщин!

Алистер изумленно посмотрел на своего любовника.

Неужели Джером говорит об этом серьезно?

Наверное, он, такой умный и проницательный, просто никогда не задумывался о тех неограниченных преимуществах, которые дает магия. Да при ее помощи ведь все возможно! Можно лечить себя и других от разных болезней, можно получить деньги, любовь, власть – да все что угодно! Не обязательно даже самому прикладывать усилия, напряженно работать. Есть ритуалы по вызову себе в услужение духов. Духи станут с радостью исполнять желания своего повелителя, причем будет это происходить так быстро, как простой слуга выполняет приказ принести в дом вечернюю газету.

Но как Алистер ни расписывал все преимущества обучения магии – Джером оставался непреклонен.

– Ты говоришь – сбываются все желания. – Он недоуменно пожимал плечами. – Но у меня нет никаких желаний! Я богат, ты рядом, я здоров и полон сил. Зачем мне жечь свечи и чертить пентаграммы? Расскажи-ка мне лучше про свои горы! Я так люблю, когда ты говоришь об этом...

– Ну, хорошо, горы так горы, – сдался Алистер. Он обнял Джерома, набросил на его тело одеяло. – Наверное, я понимаю, почему тебе никогда не надоедает слушать об этом. Горы так прекрасны, они не могут надоесть! Сначала скалолазанием меня заставила заниматься мама. В детстве я не отличался хорошим здоровьем, врач рекомендовал мне больше времени проводить на свежем воздухе. Мать узнала, что кто-то из друзей занимается альпинизмом – и упростила взять с собой и меня...

Алистер описывал свой восторг, когда перед ним впервые открылась потрясающая горная панорама – с заснеженными вершинами, крутыми, гладкими откосами и мерцающими прямо над головой звездами. Он в ту же секунду полюбил горы всем своим сердцем и удивился, как жил без них, и понял, что больше уже без гор ему никак нельзя...

Алистер рассказывал о сложных спусках и непредсказуемых капризах погоды – и одновременно чувствовал, как ноет от предчувствия разлуки с Джеромом его душа.

Любовник не пойдет учиться магии. И рано или поздно случится неизбежное: их жизненные пути разойдутся.

Есть такие барьеры, перейдя через которые уже не вернешься. И если один человек берет барьер, а второй – нет, то этот барьер становится стеной, которая навсегда разделяет судьбы...

* * *

Конечно, турецкое платье бренда с многообещающим названием «Ангел» превращает меня далеко не в ангела, а в дешевую проститутку. Ну или, может, не совсем в проститутку – но явно в искательницу эротических приключений на свою симпатичную пятую точку.

Платье слишком короткое, обтягивающее, просвечивающее. В мои сто пятьдесят лет такое не носят. Еще пару годиков – и в подобные клочки материи разных текстур, довольно креативно склепанные в нечто прекрасно-сексуальное, будет с удовольствием облачаться моя внучка.

Впрочем, беру. Наплевать, что оно сочно-красное и в комплекте с моей рыжей шевелюрой будет смотреться еще более ярко. В конце концов, имею право сделать себе любой подарок: у меня сегодня первый день отпуска.

Отпуск – летом!

Наверное, каждый бы такому обрадовался!

Но только судмедэксперт в полной мере оценит кайф свежего морского бриза вместо запаха гниющего трупа. Летом трупы гниют быстро. Особенно если по жаре проведут пару часов в задраенной душной труповозке...

Я снимаю платье, складываю его в пакет (эти интернет-магазины – просто чудо, сегодня за пару минут нахожу нужный фасон и размер, завтра заезжаю в пункт самовывоза, и никаких тебе утомительных походов по торговым центрам) – и, прежде чем надеть юбку и блузку, внимательно изучаю отражение в зеркале.

Да, с высоким ростом и худощавой фигурой мне явно повезло. Живот подтянут, на бедрах никакого намека на целлюлит. Можно продолжать поглощать булочки и отбиваться от поклонников.

– Платье подошло? Будете забирать? С вас две тысячи восемьсот рублей.

Пытаюсь сосчитать купюры. Но вместо этого в сознании начинают мелькать картинки хронических язв – с плотноватыми, валикообразными, закругленными краями и сероватым дном. В них даже различаются мелкие темно-красные сосочки – тромбированные сосудики при язвенном кровотечении.

У этой девушки из интернет-магазина не по годам больной желудок. Обычно у таких молодых разве что гастрит, вид слизистой напоминает булыжную мостовую. А тут – очень запущенный случай⁶.

Первое время, когда я поняла, что могу видеть заболевания внутренних органов людей, было сложно удержаться от озвучивания диагнозов и попыток лечения.

Я стала понимать, какие огромные силы и возможности заключены в человеческой мысли. И, увидев проблемы на органе, пыталась силами своего сознания восстановить пораженный участок. Вне зависимости от того, получалось у меня это или нет, я чувствовала сильную усталость.

Но потом я пришла к пониманию, что мне совершенно не обязательно бросаться к каждому встречному со своим целительством. Болезнь – это действительно выбор самого человека.

⁶ В романе Ольги Тарасевич «Оберег Святого Лазаря» описывается, как судмедэксперт Наталия Писаренко работала консультантом на проекте «Ясновидящие». После клинической смерти у нее стали развиваться экстрасенсорные способности: иногда она начинает видеть пораженные органы в теле человека и астральные тела умерших людей.

Иногда, если речь идет о болезнях маленьких детей, это кармическая отработка за прошлые воплощения. Но чаще всего – следствие неправильного питания, плохих мыслей и неблагоприятных поступков. Дом строится с фундамента, здоровье начинается с устранения причин болезней. Это колоссальная работа, и идти по этому пути должен прежде всего сам пациент. Может быть, подсознательно я всегда знала, что традиционная медицина по большому счету оказывает оперативную помощь, дает кратковременный эффект. И поэтому стала танатологом. Для меня окончательный «диагноз» судмедэксперта представляется чем-то менее сиюминутным и более результативным, что ли... В конце концов, после заключения судмедэксперта будет пойман преступник. После залеченной язвы без осмысления проблемы пациентом больше шансов на очередную желудочную заболячку...

Я не знаю, почему так серьезно больна пересчитывающая теперь купюры симпатичная девушка.

На моем нынешнем уровне развития сознания это кажется несправедливым и обидным. Но я допускаю, что в жизни есть очень много вещей, которые непонятны. Однако «непонятно» не означает «неправильно» – как бы ни захлестывали эмоции. Подозреваю – в мире все-таки все устроено верно. И даже те вещи, которые меня бесят или расстраивают, играют важную роль.

– Все правильно, спасибо за покупку, – продавец улыбнулась, но в голубых глазах, кажется, промелькнули грусть и боль; заболевание девушки уже явно перешло на уровень физической боли.

Мой верный паркетник «Хендай Тускан», который мы с мужем Леней зовем «тушканом», ждал меня на парковке, окруженный яркими, как леденцы, небольшими гламурными машинками.

Забросив покупку на заднее сиденье, я опустила за руль, завела двигатель и пробормотала:

– «Тушкан» мой, я не могу жить так, как я живу сейчас. Я не хочу и не могу видеть все эти язвы у молодых девчонок. Мне тяжело. Да, я постоянно на работе сталкиваюсь не с самыми приятными вещами. Но почему я стала видеть все эти воспаления, поражения слизистых не только на трупах после вскрытия, но и на живых людях! Не могу! Не хочу так больше! Господи, я не знаю, зачем ты дал мне все это! Я понимаю, что должна нести свой крест покорно! Но я не могу, правда, у меня не выдерживают нервы. И я понятия не имею, что с этим делать, и сил больше нет, и...

«Рыжая, не ной. Ты же всегда была сильной девочкой. Заладила: «Что делать, что делать?» Чернышевский ты мой! Людям помогать надо, а не ныть...»

По спине побежали мурашки.

Я обернулась назад, откуда звучали мысли, – и вздрогнула.

Нет, увы, мне не показалось.

На заднем сиденье «тушкана», заложив ногу за ногу, сидел мой приятель, судмедэксперт Борода. Он был одет в шорты и бежевую футболку, причем последняя промокла от потемневшей густой крови. Он явно умер от множественных ножевых ранений брюшной полости.

«Рыжая, ну что же ты тормозишь?! Давай, приходи в себя!»

Борода ободряюще улыбнулся, но у меня в горле застрял комок, а по щекам побежали слезы.

Я очень любила этого человека.

Борода такой умный, такой принципиальный! Он настоящая ходячая энциклопедия по судебной медицине... был...

Блин, не могу! Да не могу я принять его смерть!

Пару лет назад он вышел на пенсию. Но мы часто общались по скайпу. Не верю, что напротив его имени больше никогда не увижу зелененького значка «онлайн»...

«Все-все, хватит сопли жевать. Короче, Рыжая, я тут только начал осваиваться. Я толком не понял, почему попал в твою тачку и почему ты меня прекрасно видишь и слышишь. Типа я умер, наверное. Не верю, прикинь, совершенно не чувствую себя мертвым... Ладно, в задницу эмоции и лирику. Я не знаю, будет ли у меня еще возможность сказать тебе главное. Меня прирезал какой-то чувак (ну, или чувиха, точно сказать не могу) из магической школы «Атлантида». Ты проконтролируй, чтобы все на тормозах не спустили – у нас так сплошь и рядом. Оказывается, не хочется, чтобы собственная смерть стала висяком. Вот такие дела, да...»

«Атлантида»? Магическая школа? Борода, ты в своем уме? Как тебя занесло туда?»

«Наконец-то ты вышла из ступора! Да, магическая школа. А что тебя так удивляет? Уж ты-то точно должна знать: есть очень много любопытных вещей... У меня дед колдуном был. Я не верил во все это. Но потом как-то понял: если человек меня обидит – заболит; если сильно обидит – помрет. Помнишь Соколова?»

Конечно, я помнила.

Сергей Соколов был следователем. А жена Бороды Катя работала у нас медрегистратором. Борода Катю очень любил, но она его бросила и ушла к Соколову. Для нас, тех, кто работал в морге, в принципе этот роман тайной не был. Я сама пару раз замечала, как Катерина с Сергеем о чем-то многозначительно молчат на лестнице. Но супруг, как и полагается в таких ситуациях, пребывал в счастливом неведении. «Любовь прошла», – объяснила оторопевшему Бороде Катя и отправилась собирать вещи. От привалившего ему счастья Соколов почему-то сначала запил. А потом буквально за пару дней сгорел от какой-то инфекции, на которую не действовали никакие антибиотики и которую даже диагностировать толком было невозможно. «На чужом горе своего счастья не построишь», – резюмировали все это наши коллеги.

«В каком-то смысле, наверное, Соколова я порешил. Подумал: «Чтоб ты сдох, козел». И прямо почувствовал, как вся злость на него и на Катю, что во мне скопилась, в эти слова ушла. Сказал – и забыл. Я не хотел на самом деле. Ну а что было дальше – ты знаешь... Может, моя смерть – это в каком-то смысле закономерность? Эффект бумеранга, так сказать. Блин, а я становлюсь философом...»

«Борода, ты мудака. Ты чего натворил?! Поосторожнее надо было с такими штуками с твоей-то наследственностью! Семьи у многих разваливаются. Но на тот свет новую любовь своей бывшей отправлять – это не дело!»

«Отлично, узнаю нашу Рыжую, палец в рот не клади. Так вот, мне надо было научиться управлять этой моей странной силой. На пенсии наконец появилось время. «Атлантида» считается очень хорошей магической школой. Я прозанимался там меньше месяца. Вчера меня убили. Не знаю кто. Но кто-то из учеников или, может, Тамара. В мою квартиру вломились. Прирезали среди ночи. Помню, телик смотрел, боевичок с Брюсом Уиллисом. Я еще подумал: вот сейчас Брюс спасет мир, я разденусь, пойду приму душ и отрублюсь. Ну и задремал, наверное, не раздеваясь. И все, меня шлепнули. Ну и вечерок, да? Знаешь, я стараюсь держаться и специально ерничаю. На самом деле умирать – это как-то совсем не весело.

Вчера в магической школе было занятие, там жгли сандал. Ну, благовония такие, для медитации, знаешь? Сознание расширяет, но от шмоток потом за сто километров несет, как от индийской лавки. Я успел почувствовать этот запах на одежде убийцы...»

«Борода, но почему ты не видел убийцу? Я переживала клиническую смерть – отделившись от физического тела, я видела, как меня спасали и оплакивали...»

«Рыжая, я не знаю... Я очнулся... если можно так сказать... то есть увидел свое тело, думаю, через пару часов после того, как меня прирезали – там такая лужа крови натекла конкретная. А поблизости никого не было. Рыжая, будь другом, позвони в полицию. Сейчас жарко, и я начну разлагаться...»

Я всхлипнула, пообещала Бороде сделать все возможное и потянулась за мобильным телефоном.

Но что я скажу?

Здравствуйте, дорогая полиция, отправьте оперативно-следственную группу в квартиру Бороды, потому что только что ко мне в машину заявилось его астральное тело и сообщило о том, что физическое тело убито...

Никак не могу привыкнуть ко всему этому.

Никак не получается подобрать слова для объяснения тех вещей, которые толком не укладываются даже в моей голове, просветленной намного больше среднестатистической...

Я обернулась, чтобы попросить у Бороды совета. Но на заднем сиденье «тушкана» больше никого не было...

* * *

Мой муж Леня, как и остальные мужики-эксперты, очень умный. Надевает на вскрытия галоши и не парится по поводу эстетики сей обуви совершенно.

В секционных всегда аншлаг. Все столы заняты, а между столами ставят каталки, на которых тоже вскрывают трупы (но только несложные, конечно). При таком потоке весь пол залит кровью, желчью, жирной вонючей жидкостью из гнилых трупов. Трупов много, экспертов много, все крутятся, как электровеники. Вытирать пол просто никто не успевает, и по всему этому разлитому по полу коктейлю приходится топтаться. Мужики не замораживаются, носят галоши. Никто из девчонок пока последовать их примеру не решился. Да, мы надеваем старенькие, сношенные туфли – но все-таки это туфли. Естественно, они быстро промокают, и их приходится выбрасывать.

Но вот теперь я смотрю на своего красивого, подтянутого Леню в смешных галошах – и понимаю, что все-таки он жутко умный.

Пол, как обычно, залит.

А на мне сейчас почти новые туфли – классические черные лодочки, – и я не могу сделать ни шага, чтобы их не запачкать.

Леня далеко, в углу секционной.

Он точит нож, и во все стороны разлетаются снопы брызг, напоминающие бенгальские огни.

В принципе, золотистые искры – это единственный плюс в проблеме, раздражающей всех без исключения экспертов. Сталь, из которой сделаны наши ножи, безобразная. К окончанию вскрытия одной-единственной травмы новый нож уже тупится. Санитары себе ножи точат, а на наши, экспертные, времени и сил уже не хватает. Я регулярно отбираю ножи у санитаров или заставляю их наточить мой инструмент. Утомляет пять раз водить по одному и тому же месту, чтобы легкое или почку отрезать. Периодически и сама точу; оранжевые искры – это красиво...

Почувствовав наконец мой взгляд, Леня поднимает глаза, кивает. И, выключив электроточилку, направляется ко мне.

Зажимаю его в угол (подальше от тележки с банками на гистологию, там то и дело ошиваются наши, ставят образцы для исследований, а лишние уши мне сейчас не нужны), утыкаюсь в плечо и шепчу:

– Леня, Бороду убили. Он мертвый. Представляешь, пришел в своем астральном теле в «тушкана». Попросил меня в полицию сообщить, чтобы не очень уж сильно по жаре разложиться; говорит, когда там еще соседи запах почувствуют и полицейских вызовут. Только вот я не придумала, как такое по телефону сказать, решила к тебе приехать...

Муж пару минут гладит меня по волосам. Потом выходит в коридор, что-то там объясняет, похоже, нашему шефу Валере.

Леня возвращается и молча смотрит мне в глаза.

Я все понимаю без слов.

Бороду скоро найдут. Скорее всего, Леня приврал что-нибудь правдоподобное, сделал пару телефонных звонков. И тело нашего убитого коллеги, как Борода того и хотел, будет перевезено в морг. Только не в наш, где Борода знал каждый закуток и каждую трещину в плитке. Своих мы не вскрываем, это считается неэтичным, да и нервов никаких не хватит извлекать органокомплекс человека, с которым еще недавно разговаривал, шутки шутил и водку пьянствовал.

Леня молчит не об этом.

Он хочет спросить о моих дальнейших действиях.

Ему жаль явно разрушившихся, как карточный домик, отпускных планов.

Мне нужен отпуск. Недавно нашей семье пришлось пройти через ад. Наш сын Димка оказался в тюрьме по подозрению в совершении убийства. И, хотя он был совершенно не виновен и в глаза не видел парня, в убийстве которого его обвиняли, вытащить его из-за решетки стоило нам с Леной немалого труда⁷.

К тому же я только-только восстановилась после нанесенного преступником ранения. Теперь мне, как никогда, требуются покой, море, солнце, красивые платья, красное вино и сочный шашлык.

Но Леня, наверное, прекрасно понимает: остаться в стороне мне просто совесть не позволит.

Борода мертв.

Наш Борода, который все собирался написать учебник для судмедэкспертов... У него был колоссальный опыт, он очень любил и умел анализировать нетипичные случаи. Мы всегда обращались к нему за советом. Теперь уже никакой книжки не будет, и консультироваться не у кого...

Наконец я не выдерживаю затянувшейся паузы и бормочу:

– Леня, ну ты же помнишь того следователя, который Димкино дело вел. Если бы мы не напрягались – сидел бы наш сын как миленький.

Муж вздыхает:

– Натали, у меня тут примеры посвежее есть. Гаврилова выпустили. Ты представляешь?!

Мое сердце останавливается, а потом начинает бешено колотиться.

Какого хрена из-под стражи освободили Гаврилова? Он убил жену, возле трупа нашли нож с его отпечатками пальцев. Леня вскрывал ту женщину – бедняжку нашинковали в капусту. Зачем выпускать на свободу ее мужа-убийцу?

– Адвокат опротестовал результаты экспертизы. – Привлекательное лицо Лени стало жестким. – И он прав.

– Адвокат? Какого хрена?! Что он понимает в судебной медицине?!

Я начинаю заводиться.

Мой муж – очень хороший специалист, внимательный и педантичный, он никогда не спешит с выводами. Его работа безукоризненна! Что себе позволяет какой-то там адвокатишка, еще вчера, наверное, списывающий теорию права на своем юрфаке!

– Моя экспертиза тут, по сути, ни при чем. Следователь схалтурил. Писал: «На покойной надето платье в синюю полоску». А полоска – серая. Пишет: «3 объекта в пакете». А их там 4. Конечно, я должен был проконтролировать и носом потыкать. Но сейчас – поздно, уже ничего не поделаешь, экспертизу признали недопустимым доказательством. Адвокат у мерзавца хороший, к тому же и с финансами у Гаврилова, должно быть, полный порядок...

Пытаюсь дышать медленно. Стараюсь не дать пароксизмам ненависти разрастись в моей душе.

И с досадой понимаю: ничего не получается.

⁷ См.: Тарасевич О. «Талисман Михаила Булгакова».

Я ненавижу следователей. Ненавижу тех, в одной связке с которыми должна работать. Саму работу обожаю – следаков терпеть не могу. Все они уроды! Ну или, если избегать обобщений, мне лично только уроды и встречались...

– Подожди меня, – муж легонько целует мой висок, – я освобожусь через час, поеду с тобой к Бороде. Я все понял, вместо отпуска у тебя намечается расследование. Конечно, я бы предпочел, чтобы ты поехала отдыхать. Но тебя же не остановишь. Так что я просто буду рядом. Наташ, ты молодец. Все правильно делаешь...

* * *

– Хорошо, что его уже увезли, – бормочет Леня, глядя вслед отъезжающей труповозке. – Жаль Бороду, порядочный мужик был; не много сейчас таких.

Я грустно вздыхаю.

Мне тоже очень жаль, что нашего приятеля убили. Наверное, в глубине души я до сих пор не верю, что больше никогда не увижу его умных карих глаз, бритого до синевы черепа и вечной темной бородачи, из-за которой он и получил свое прозвище. Симпатичный долго-вязый Борода очень нравился женщинам. Но после развода с Катей он явно решил поставить на личной жизни крест, и наши незамужние экспертессы совершенно напрасно тратили свое время на многозначительные улыбки и прямые намеки.

Мы выбираемся из «тушкана», идем к нужному подъезду и синхронно останавливаемся.

Дверь открывается, и из нее выливается целая река людей: криминалист, опера, упитанная дамочка в следовательском синем форменном пиджаке. Наш коллега, судебный медик Вадик, приветственно машет рукой.

У меня сжимается сердце: недолго ребята осматривали место происшествия; и опера вместо того, чтобы соседей опрашивать, уже лыжи наострили.

Борода прав: его убийство имеет большие шансы стать очередным «висяком». Хотя я буду изо всех сил стараться, чтобы этого не произошло.

Чем ближе к нам подходит следовательша, напоминающая сурового мамонта, тем меньше я верю в эффективность расследования.

Из-под синего кителя виднеется отчаянно-розовая блузка, волосы беспощадно осветлены и высушены до консистенции соломы, а мой Ленчик, кажется, уже весь испепелен страстными взорами.

Дамочка в поиске мужа.

Теоретически в этом нет ничего плохого. Практически я не верю, что женщина, для которой устройство личной жизни является явным приоритетом, сможет эффективно делать свою работу. Ну не тем у нее голова забита...

Ага, так и есть.

Заметила обручальное кольцо на Лениной руке – и сразу же потухла...

– Татьяна Викторовна Яковлева. – Следовательша смотрит на Леню, потом на меня и мрачнеет. На ее простоватом лице читается: «Если эта рыжая баба – его жена, то мне с моим 54-м размером против ее 44-го конкурировать глупо». – Мне уже сказали, что вы дружили и общались с потерпевшим. Надо бы приехать в следственный отдел, дать показания.

– Хорошо. – Стараюсь, чтобы мой голос звучал максимально приветливо. – Нам с мужем действительно очень важно, чтобы убийцы Бо... – запинаюсь, пытаюсь вспомнить имя Бороды, – чтобы убийца Ильи Антипова был установлен. У вас уже есть предположения, в каком направлении работать?

Узкие губы, небрежно накрашенные розовой помадой, сжимаются в нитку.

Следовательша шипит:

– Предположения есть, но не с вами же их обсуждать! Следователь по закону – лицо процессуально независимое. И тайну следствия никто не отменял. Мало ли по каким причинам вы тут информацию разнюхиваете...

Ого! Да мы важные!

Гипертрофированное чувство собственной значимости, на мой взгляд, свойственно только глупым людям.

Если человек умен – ему не доставляет никакого удовольствия гнуть пальцы веером и унижать окружающих. Зачем? Он и так собой доволен, он знает себе цену.

Бедный наш Борода... Ему действительно не везет по всем позициям. Вдобавок ко всему и следователь достался – явно умом не блещет...

Наскоро попрощавшись с нервной дамочкой, мы с Леней поднимаемся в квартиру Бороды.

Дверь не заперта. Более того, в ней вообще нет замка – его достали и забрали на экспертизу.

Внутри, как мы и предполагали, сидит только бывшая жена Бороды Катя.

Правду говорят: у счастья и успеха всегда много друзей. Горе и беда одиноки...

Вытянув шею, заглядываю на кухню.

Бутылка водки на барной стойке, рядом со столом – ведро с водой и половой тряпкой, пылесос... Похоже, Катя так еще и не решила, чем займется в первую очередь: напьется или смое с пола кровь бывшего мужа.

– Прими наши соболезнования. – Леня, сбросив туфли, проходит вперед, обнимает Катерину, и у той начинают мелко дрожать губы, а из глаз текут слезы. – Ну не реви, что уж сейчас изменишь. Давай выпьем за упокой души Ильи. А потом мы с уборкой поможем.

Бывшая Бороды даже скорее не плачет – воет:

– Это я во всем виновата. Если бы я была рядом – ничего бы не случилось. Но я хотела вернуться, правда. Только Илья не позволил...

Муж остается на кухне с Катей, а я решаю осмотреть спальню. Надо полагать, Борода был убит именно там – если на него набросились среди ночи.

Комнаты в этой квартире проходные. Чтобы дойти до спальни, надо пройти через гостиную.

Я открываю дверь и замираю.

Да здесь ведь что-то явно искали! Выдвинуты ящики комода, с книжной полки все сметено, одежда свалена в кучу.

Борода был педантом, он и такой бардак – это что-то из разряда несовместимого.

Но что могли у него искать?

Большинство современных людей наличку дома не держат. Никаких ценных вещей или антиквариата у Бороды сроду не водилось. Да и вообще, кстати, с деньгами у него было негусто – недавно он сделал в квартире хороший ремонт и угрохал на это дело все сбережения. И все-таки в гостиной все перевернуто вверх дном.

Ох, Борода, Борода...

Куда же ты влез перед своей смертью? И почему не рассказал никаких подробностей, хотя бы немного облегчающих работу?

Да, так и есть – в спальне тоже все перерыто. Кровать залита кровью – но это как раз-таки и понятно. А вот что тут искали – вопрос...

Глава 2

1898 год, Лондон

– Слон – цэ один!

– Пешка – бэ пять!

– Ладья – дэ два!

– Король – эф четыре!

Алистер собирался сказать: «Ладья – дэ четыре, шах и мат», – и не смог.

Сладкая волна оргазма пронеслась по телу, и сознание выключилось полностью.

Когда к нему вернулась способность говорить, он прокричал своему наставнику Джорджу Джоунсу, сидевшему за шахматной доской в соседней комнате, что его положение совершенно незавидно. И под искренние поздравления с победой в партии спихнул со своего тела потную некрасивую проститутку.

– Тебя возбуждает игра в шахматы? – Толстая девка, как сытая кошка, потянулась на постели и довольно улыбнулась. – А еще мы будем заниматься любовью? Ты такой сла-адкий... Можно позвать твоего друга. Втроем я тоже люблю.

– Деньги на тумбочке. Пошла вон! – коротко бросил Алистер, поднимаясь с постели.

Ну вот, с сексом на ближайшее время покончено.

От воздержания более двух суток у него начинает болеть голова, заниматься онанизмом скучно. Да и необходимости такой нет – проституток полно, и за пару монет они охотно помогают снять напряжение.

Чем некрасивее девка – тем лучше: никаких воспоминаний о совершенных чертах и прекрасном теле Джерома. Просто сосуд, чтобы выпустить сперму, расслабиться и забыть.

– А ты не боишься подцепить от них какую-нибудь заразу? – поинтересовался учитель, когда за проституткой звонко хлопнула дверь.

Алистер, затягивая пояс темно-синего шелкового халата, подошел к столику, на котором стояла шахматная доска, и пожал плечами.

– Настоящему магу сифилис не помеха. Бывало, мой учитель, заражался, и не раз. И ты знаешь, мне кажется, что лекарства от сифилиса и триппера точно так же помогают в медитации, как и благовония.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.